

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К19

Разработка серии и художественное оформление
Александры Харитоновой

Канра, Дана.

К19 Пути Миритов. Недобрые восходы / Дана Канра. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-106031-2

Четыре герцога, одна корона, конец эпохи. Запад, Восток, Север и Юг сойдутся в столице, ведь на исходе кватриона сирота станет королем. Четыре герцога будут там. Каждого из них ждет жестокая, неумолимая судьба, потому что они — наследники Миритов. И теперь в них просыпаются древние силы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106031-2

© Канра Д., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается
ВЕРОНИКЕ ЛАПИНОЙ —
за прекрасную помощь,
необходимую поддержку
и полезные советы*

Пролог

ЗАПАД

Шагов за стеной не слышу,
никто не стучится в дверь,
Стрекочут, не умолкая, сверчки
под моим окном.
Крыльцо подмести хотел я,
да только зачем теперь?
Никто не придет отныне
в мой старый забытый дом.

Сиан Тиао.

«Строфы одиночества».

Прощание с родовым замком для Фрэнсиса Эртона было донельзя тяжелым и мучительным, хотя он изо всех сил старался не подавать виду. Но тоска все равно пряталась в уголках его выцветших серых глаз, в горестной улыбке, в хриловатом от старости голосе. Явиться на коронацию — дело святое, если он не в изгнании и не при смерти, однако в душе Фрэнсиса змеей шевелилось неприятное опасение. Собственная старость и отсутствие наследника угнетали герцога Эртвестского куда сильнее, чем нежелание ехать на коронацию.

Он снова смотрел в чистое зеркало и видел беспомощного седого старика, который, несмотря на мундир родовых цветов и обилие наград за отличную службу, бессилен перед собственным родом. Только что поделать? Уголок его рта нервно дернулся, и Фрэнсис тут же отвел от отражения измученный взгляд. Нельзя оттягивать начало поездки, чтобы среди свиты не пошла молва о его старческой немощи.

То ли по давней привычке, то ли мельком вспомнив свою не слишком целомудренную молодость, Фрэнсис Эртон подумал, что, может быть, это его судьба — не оставить после себя сыновей. Сколько у него было женщин — и молоденькие крестьянки, и девушки званием повыше, и даже одна благородная дама, жена покойного графа Ноттена, чьи родовые владения граничили с Аранией, а ныне были по непонятным причинам разорены. Ни одна из них, за исключением собственной жены, не родила мальчика от герцога Эртвестского. У графини были сыновья, но до такой степени похожие на отца, что сомневаться не стоило. Разве что...

Гульда из Талнора была скорее зрелой, чем свежей, не блистала яркой красотой и не умела чаровать изысканными манерами. Но в молодые годы Фрэнсис любил повторять подхваченные у приятелей насмешливые максимы: «Только скот ежедневно ест одну и ту же пищу», «Если не разнообразить жизнь, быстрее состаришься», «Вино надо открывать и пить, а не смотреть на бутылку». К тому же лютнистка ныне покойной герцогини так опускала глаза, когда пела нескромную балладу, в которой героини смели — подумать только! — целоваться, что хотелось научить ее чему-то по-настоящему бесстыдному.

Он и научил. Так хорошо научил, что она в один ужасный день прибежала к нему вся в слезах, причитая, как служанка. Он мало что различил из ее бессвязного бормотания — только про какую-то знахарку, которая дала ей траву, а трава не помогла, и непонятно, что ей теперь делать.

Фрэнсис придумал, что делать. Вызвал одного из своих вассалов, неано Холта, молодого и небогатого, но умеющего поймать удачу за вихры, предложил ему большое приданое и рекомендательные письма

на хорошую должность, если он искупит «свой грех», и дело было решено. Фрэнсис был успокоен, вассал удовлетворен, герцогиня, которая все-таки не была слепой, весьма обрадовалась, а что думала новоиспеченная замужняя женщина, никого не волновало — ей следовало быть благодарной и за такой исход событий.

На прощание, когда все думали, что он дает ей суровые наказы, он шепнул:

— Если будет мальчик, сообщи мне.

Гульда, которая до того не поднимала глаз, насмешливо на него посмотрела и не сказала ни слова.

Герцогиня тогда начала стыдить ее за гордыню и дерзость, герцог ей вторил, и даже молодой супруг не утерпел, чтобы не вставить несколько оскорбительных слов, а Гульда, словно окрепнув, вскинула голову и, рука об руку с мужем, покинула замок Эртонов.

Письмо не пришло, зато супруга родила здорового и красивого сына Арнольда. Если бы он не погиб в семнадцать лет, отправившись по приказу северного командования в открытое море, герцог Эртвестский и думать забыл бы о той девице, но теперь то и дело ее вспоминал. Она могла не написать, потому что родилась девочка, или потому что умерла вместе с ребенком, или из упрямства не пожелала сообщить о своем сыне. В любом случае сразу по возвращении с коронации стоило попытаться найти Гульду. Эртвесту нужен хозяин, иначе драгоценный кузен Эдвард быстро упрячет в суму замок и титул.

Ведь герцогиня умерла, родив дочерей, а жениться снова Фрэнсису вовсе не хотелось — слишком сильно овладело им смешанное чувство из досады и скорби, в котором, впрочем, досада преобладала.

За дверью послышались голоса, которые отвлекли от раздумий о прошлом и будущем. Девочки хотели

его проводить, и герцог Эртвестский должен был глядеть веселее, не огорчая их раньше времени.

— Здравствуйте, отец, — прозвучало двойное звонкое приветствие.

Обращаясь к нему, дочери любили говорить именно так: хором, словно они — одно целое. Хотя, возможно, таковым Вилма с Вивьен и являлись: обе белокурые, зеленоглазые, с нежными красивыми лицами. Фрэнсис любил их, но несколько раз его посещали неверные мысли о том, как было бы здорово, если бы вместо умненькой и расчетливой Вилмы родился мальчик. Но Всевышнему виднее, каких детей дарить герцогским семьям.

— Я рад вас видеть, дочери мои, — произнес он, сдержанно улыбнувшись.

Одна из них, та, что родилась последней, забрала жизнь его жены, но сейчас, в старости, герцог Эртвестский редко вспоминал об этом. Тогда он не спрашивал, какая из девочек родилась второй, — слишком тяжкое горе нахлынуло на него солеными волнами, а теперь Фрэнсис уже давно не думал об этом. Стоит ли держать зло на ни в чем не повинного ребенка?

— Мы пришли проститься с вами, отец, и выслушать ваши распоряжения.

Герцог мягко улыбнулся.

— Для начала перестаньте пока говорить хором, а то я вас не понимаю.

— Простите, отец, — слитно ответили девушки.

Отец засмеялся, Вилма тоже, Вивьен опустила глаза и ярко покраснела.

— Не смущайтесь, дочери мои, и не тревожьтесь. Мои распоряжения будут просты: ведите ту же жизнь, какую вели бы в моем присутствии. Присматривайте за хозяйством, трудитесь, отдыхайте, вышивайте, читайте, гуляйте, принимайте подруг, только держитесь в рамках приличия. Вивьен, это я говорю и тебе: не

сиди дома затворницей: твои цветы и вышивки не пропадут, если ты раз или два в неделю проедешь верхом. А ты, Вилма, наоборот: лучше побольше проводи под крышей, а если будешь гулять, не увлекайся. Я слышал, тебя видели в обществе благородного Силивана.

— Мы встретились случайно, отец, — ответила Вилма. — К тому же со мной были грум и камеристка.

— Верю, дочь моя, но все же будь осторожна, воду из разбитого кувшина не собирать.

— Я помню, отец, и буду осторожна. — Вилма чуть склонила голову.

Герцог только покачал головой. Вилма была умна и сообразительна — пожалуй, умнее Вивьен во всем, что не касалось хозяйства и рукоделий. Гордостью и самолюбием она тоже превосходила скромную сестру. Но что стоит гордость, что говорит ум, когда у мужчины белозубая улыбка, приветливая речь и ясные черные глаза?

— Я хочу также отдать некоторые распоряжения на тот случай, если я не вернусь, — продолжал герцог. — В моем кабинете, в футляре зеленого сафьяна, я оставил для вас письмо. Если я вернусь домой благополучно, забудьте о нем, если же со мной что-то случится...

— Отец! — снова вскричали хором дочери, до сих пор не сумевшие принять гибель Арнольда.

— Если со мной что-то случится, — твердо закончил герцог Эртвестский, — выполните все, что в нем указано, как можно точнее и лучше.

С одной стороны, прощальные слова звучали жестоко, но с другой — его дочери выросли, и нет смысла давать им ложные надежды. Поэтому Фрэнсис только улыбнулся, обнял обеих и снова посмотрел в зеркало. Теперь отражение старика в бело-зеленом

мундире показалось ему бодрее и спокойнее, а может, ему просто хотелось утешить себя. Мелькнуло легкое сожаление, что Хелена, его покойная супруга, не видит его сейчас. Но она будет ждать его в Живом Лесу, пока он сам не придет к ней.

— Мы постараемся, отец, — пообещала Вилма.

— Постараемся, — вторила Вивьен.

Наверное, ему должно стать сейчас очень грустно, но ничего подобного не случилось. Фрэнсис Эртон почувствовал себя помолодевшим и бодрым. Это замечательное настроение для поездки на коронацию. Вот только осталось дождаться своих вассалов. С ним должны были поехать все четыре вассала: Холт, Мейсон, Аллен и Шелтон; насколько герцог знал, другие Хранители тоже брали своих вассалов с собой, но вот Силиваны, к числу которых принадлежал ухаживающий за одной из его дочерей юнец, по неизвестным причинам оставались в прохладном Эртвесте. Хоть и не все. Но ему не нравилось кое-что другое. А именно: вместо Джонатана Мейсона, потерявшего на войне ногу, поедет его единственный сын Дин. Мальчишке едва исполнилось шестнадцать лет, и его для сохранности записали в порученцы Фрэнсиса. Если быть честным с собой, то сначала герцог просто посочувствовал семье вассала. Сейчас же, после недельного общения с неспособным усидеть на месте Дином, Фрэнсис испытывал легкое беспокойство.

— До свидания, дочери мои, — выдохнул он, сделал шаг вперед и обнял обеих девочек сразу.

Девочки прильнули к нему с двух сторон, и правая щека стала влажной. Конечно, это были его слезы — Вилма и в детстве никогда не плакала.

— Доброго вам пути, отец, — сказали девочки, и голос Вилмы показался непривычно звонким. Значит, все-таки она.

Герцог вышел из комнаты и зашагал по коридору. Из соседнего прохода чуть ли не вприпрыжку выскочил молодой человек, а скорее даже мальчик, на вид лет шестнадцать.

— Герцог, вас ожидают, — выпалил он, уставившись на Фрэнсиса сияющими глазами.

— Ведите себя прилично, — сухо ответил герцог, на старости лет взявший в привычку разговаривать с окружающими суровее, чем с дочерьми. — Следуйте за мной.

Фрэнсис шел не быстро: годы и старые раны никому не придают сил. Поэтому юный Мейсон то и дело едва не опережал его, а потом долго перетаптывался за спиной, ожидая, пока герцог отойдет на некоторое расстояние, и тут же снова срывался с места. Слушать его отрывистые шаги и нетерпеливое, как у стригунка, дыхание Фрэнсису быстро надоело, и он с радостью пропустил бы мальчишку вперед, но это было бы вопиющим нарушением этикета, разве что герцог дал бы своему порученцу задание. Увы, все, что следовало сделать, уже было сделано, что-то слугами и свитой, что-то Динем — кстати, весьма неплохо. Теперь приходилось терпеть. Вдобавок мальчишку, кажется, распирало от желания поговорить, а начать беседу первым он не имел права.

Уже у дверей герцог смилостивился над юным Мейсоном и спросил:

— Полагаю, вы предвкушаете, что скоро увидите красоты столицы?

— Да, монсеньор, — поспешно кивнул Дин. — Отец рассказывал, что там прекрасно.

Прекрасно-то прекрасно, но ровно до тех пор, пока вот такие юнцы не приезжают и начинают с самоуверенным видом творить жутчайшие глупости. Чего

греха таить, и он, Фрэнсис, когда-то ничем от них не отличался и был рад, что помнит это до сих пор. Но тем не менее он надеялся, что виконт Мейсон не помчится очертя голову ввязываться в неприятности на следующий же день после приезда.

— Он был прав, молодой человек, — согласился с Джонатаном Фрэнсис, слегка улыбнувшись. Воспоминания о прошлом нахлынули на его. — Может быть, если вы станете вести себя достойно, я расскажу о некоторых проделках вашего отца в молодости.

Мейсон просиял.

— Но только немного погодя, — заметил Фрэнсис, — сначала мы должны выехать.

— Я понимаю, монсеньор. — Мальчик широко улыбнулся.

Фрэнсис неодобрительно покачал головой. Конечно, Дина можно было понять, но все-таки в его возрасте и положении следовало бы воспитывать в себе спокойствие и выдержку.

Если уж его отец этим не занимался, значит, герцог Эртвестский попырует сам приучить молодого человека к хладнокровию и терпению.

Когда наконец тронулись в путь, бедный Дин уже места не находил, и Фрэнсис с усмешкой сказал:

— Ну, спрашивайте же. Что вам рассказать?

— А что вы можете, монсеньор? — деловито осведомился графский наследник.

— Ну, например, о том, как ваш отец добывал локон прекрасной дамы.

— Матушкин? Да они мне рассказывали, — кивнул Дин. — Они до сих пор его берегут.

Выходит, жизнь ничему не научила графа Мейсона, и он попытался повторить свою глупую выходку? Если Дин пошел в него, с ним будет много трудностей.

— О, нет, — ответил он, — до того, как ваш отец познакомился с вашей матушкой, он считал своим долгом вздыхать по столичной красавице. Правда, в дамы сердца он выбрал не знатную графиню, а племянницу одного барона, жившую у него из милости, но, надо сказать, очень красивую девушку с чудными золотыми локонами. Ваш отец залез, как водится, в окно, срезал своим кинжалом локон, и...

Фрэнсис сделал изящную паузу.

— Мало того, что бедняга чуть не оглох от криков и не лишился глаз из-за чужих ногтей. Когда ваш отец спасся бегством, надо сказать, не слишком почетным, он обнаружил, что локон, с таким трудом и кровопролитием добытый, не золотой, а седой. Он по ошибке забрался в комнату старой камеристки. А может быть, эта милая девушка заблаговременно поменялась с верной служанкой спальнями.

Фрэнсис рассмеялся, но смолк, когда увидел, как нахмурился Дин.

— Монсеньор, — сказал тот, — конечно, я не вправе учить вас, но разве то, что вы сейчас делаете, хорошо? Ведь вы говорите, что мой отец — ваш друг, а теперь над ним смеетесь. И эта девушка... она бедна, но ведь это не значит, что о ней можно говорить в том же тоне, что и о бесчестных женщинах. То есть...

Дин перевел дыхание и замолчал. Его щеки и уши полыхали, глаза блестели не то от гнева, не то от слез.

— Это не насмешки, молодой человек, — резонно и нисколько не сердито промолвил герцог Эртон, задумчиво глядя вперед, — это рассказ о бурной молодости вашего отца. Бывало еще много различных случаев. Неужели вам не интересно? Что же, тогда могу рассказать о военных походах и о том, как ваш отец отличился там. Или, может, вы поведаете мне историю с локоном вашей матушки?